

Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920–1925 гг.)

В. Г. Дацышен

В статье рассматривается история русско-японских отношений на Северном Сахалине в годы японской оккупации 1920–1925 гг. Находясь под оккупацией Японии, Северный Сахалин начал активно эксплуатироваться японскими предпринимателями, вытеснявшими русских конкурентов. Японские оккупационные власти не только занимались эксплуатацией природных богатств Северного Сахалина, но и делали вложения в развитие транспортной инфраструктуры, в сохранение наиболее важных для промыслов ресурсов. Японские власти много внимания уделяли также вопросам развития народного образования, японская общественность старалась завоевать симпатии подрастающего поколения русского населения острова. Советское руководство не признавало законности японской оккупации Северного Сахалина. Конфликтная ситуация в русско-японских отношениях в связи с оккупацией Северного Сахалина была разрешена при помощи взаимных уступок.

Ключевые слова: Русско-японские отношения, Северный Сахалин, оккупационный режим, хозяйственное освоение, рыбные промыслы, нефтедобыча, советско-японские переговоры.

История русско-японских отношений на Сахалине началась более двух веков назад. И до середины XX в. взаимодействие осуществлялось в условиях борьбы между двумя странами за обладание островом. Периодом самых активных взаимоотношений между русскими и японцами на оставшемся в составе России после войны 1904–1905 гг. Северном Сахалине стали годы японской оккупации 1920–1925 гг.

Сложный и противоречивый опыт русско-японского взаимодействия в силу политических причин, связанных с противостоянием между двумя государствами на протяжении почти всего XX в., изучен слабо. Сегодня имеются возможности и потребности обратиться к историческим документам и восстановить историческую картину русско-японских отношений, в том числе и на Сахалине. Не вызывает сомнения тот факт, что богатый опыт истории русско-японских отношений способствует разрешению современных противоречий и может быть основой для дальнейшего развития взаимоотношений между двумя странами и народами.

На сегодняшний день исследователям стал доступен комплекс исторических источников по данной проблеме. Документы, отражающие русско-японское взаимодействие на оккупированной территории, были собраны, вероятно, по прибытии в Александровск в 1925 г. Полномоч-

ной Комиссии ЦИК СССР по приему Северного Сахалина от японских оккупационных властей во главе с В. Я. Аболтиным. Сегодня подборка документов, в числе которых «Сборник распоряжений, опубликованных Военно-Административным управлением Экспедиционной Армии в Сахалинской области», разного рода делопроизводственная документация и статистические материалы имеются в фонде «Дальневосточный Ревком Северного Сахалина» (Р-58), хранящемся в Государственном архиве Хабаровского края. События на Сахалине нашли отражение в публикациях различных газет, как советских (иркутская «Власть Труда», хабаровская «Рабочий Путь» и др.), так и эмигрантских, например, токийской «Дело России». Исторические материалы по русско-японским отношениям из фондов центральных архивов РФ, а также Государственного архива Новосибирского области (фонд «Сибревком») опубликованы в специальных сборниках документов.

К началу Революции 1917 г. остров Сахалин был поделен между двумя странами. Начавшаяся в 1918 г. японская военная интервенция на Дальнем Востоке первоначально напрямую не затрагивала принадлежащую России северную часть Сахалина. На японской половине острова Сахалин военные силы были ограничены батальоном пехоты и взводом кавалерии¹. На Северный Сахалин, в отличие от остальной части русского Дальнего Востока, Япония сначала войск не вводила, а задействовала экономические рычаги проникновения. В «Краткой записке о положении нефтяного дела на Сахалине» инженера Л. П. Кашина отмечалось: «В 1918 г. во время проезда через Японию в Америку главного распорядителя Товарищества Стахеев и Ко – П. П. Батолина им было заключено с Горнопромышленным Обществом Кухара предварительное соглашение сроком на 3 года на разведку нефтяных месторождений Сахалина... 1919 году были заложены две канатного бурения скважины... но зимой 1919–20 года вследствие нашествия на Сахалин партизан из отряда Тряпицина, работы были прекращены. В то время Кухара вошел в соглашение с другим японским предпринимателем, и они образовали Акционерное Общество Хокусинкай, работы которого бы субсидировались Морским министерством...»². Исследователь В. Г. Щебенков писал: «Министр военно-морского флота Японии адмирал Като в решении вопроса о признании Омского правительства увидел благоприятный момент прозондировать почву для получения страной права на эксплуатацию нефтяных полей, расположенных в северной части о. Сахалина. Этот вопрос был рассмотрен на совете кабинета министров и одобрен в январе 1919 г. В Омск для переговоров с Колчаком, в частности по вопросу о получении права Японии на эксплуатацию нефтяных

¹ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн. 1. 1921–1925. – М., 2007. С. 213.

² ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 142–143.

полей на севере о. Сахалина был направлен адмирал Танака Котаро»³. Омское правительство вступило в переговоры об участии японского капитала в разработке сахалинских месторождений каменного угля в обмен на поставки оружия⁴.

Ситуация коренным образом изменилась в 1920 г., уже после окончания гражданской войны на большей части бывшей Российской империи и начала вывода японских войск. В марте 1920 г. отряд красных партизан под командованием Я. И. Тряпицына устроил «революционный» террор в континентальной части Сахалинской области, не признал Дальневосточную Республику и призвал к войне с Японией. В результате вооруженного столкновения японский гарнизон в Николаевске-на-Амуре вместе со всей японской общиной был физически уничтожен. А так как, по замечанию дальневосточных коммунистов, в низовье Амура имела место «японофильская тенденция среди крестьянства»⁵, то вместе с японцами были уничтожены почти половина всего русского населения Сахалинской области. Народный суд Сахалинской области признал действия И. Я. Тряпицына неправомерными, а сам красный командир был обвинен, «как диктатор, уклонившийся от основ Советской власти, как виновник уничтожения мирного населения»⁶. Виновного в уничтожении японцев красного командира вместе с еще пятерыми партизанами советский суд приговорил к смертной казни. События в Николаевске оказали большое влияние на развитие ситуации на Сахалине.

Русская эмигрантская пресса в Японии так описала произошедшие весной 1920 г. на Северном Сахалине события: «После падения Омского Правительства в Александровске образовался коалиционный совет, взявший в руки власть над краем. В него вошли представители местного населения, большая часть из интеллигенции. Через некоторое время в Александровск прибыла из Николаевска на Амуре небольшая группа вооруженных партизан. Она начала было свирепствовать, но ей не удалось повторить историю Николаевска. Партизаны арестовали много граждан и покушались расправиться с ними. Накануне высадки японского десанта арестованным угрожала смертельная опасность, но местные левые... во время суматохи освободили арестованных. Те скрылись. Партизаны, занятые приготовлениями к бегству, не имели возможности ловить их...»⁷.

³ Щебенков В. Г. Японские исторические материалы о японской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке / Тез. докл. и сообщ. – Хабаровск, 1995. С. 133.

⁴ Мясина Е. В. Из истории снабжения иностранными государствами колчаковской армии в 1918–1919 гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. – Новосибирск, 2010. С. 161.

⁵ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) / Сб. док. – Новосибирск, 1996. С. 166.

⁶ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) / Сб. док. – Новосибирск, 1996. С. 101.

⁷ Дело России. №13. – 1920. – 18 июня.

Возможно, с указанными выше красными партизанами связан сохранившийся в фонде «Сибревком» документ под названием «Протест гарнизона и жителей Александровска-на-Сахалине против японского вооруженного выступления на Дальнем Востоке» от 7 апреля 1920 г. за подписью «командующего войсками Южного Сахалина Фомина». В документе говорится: «От имени трудящихся острова Сахалина заявляем, что мы готовы для принятия удара со стороны наших душителей – японских империалистов и вообще контрреволюционеров. Организован Военно-революционный штаб, находится в полной боевой готовности. Японских судов в районе юго-западного Сахалина от 6 до 14 часов 7 апреля не наблюдалось»⁸.

Уничтожение японцев в Николаевске-на-Амуре стало поводом для японской оккупации Северного Сахалина, тем более что на остров ушла часть партизан из отряда Я. И. Тряпицына. В апреле 1920 г. японские войска заняли Северный Сахалин, но первые войска прибыли в порт Александровск в марте. В «Ежедневной сводке разведывательного отделения штаба сухопутных и морских сил Временного Приморского правительства» от 2 апреля 1920 г. говорилось: «Японцы будут, конечно, требовать исключительных прав на Камчатке и Охотском побережье, уступки половины Сахалина...»⁹. В это же время сотрудник Сибирской миссии по иностранным делам сообщал в Иркутск: «Японские милитаристы докладывают все время своему правительству и кричат всему миру о том, что не японские общие экономические интересы, а жизнь и имущество всех японских граждан в Сибири в опасности, [нужны] присылка двух крейсеров и высадка войск на русской территории Сахалина... В Порт-Александровск прибыл крейсер «Миками» с ледоколом»¹⁰.

Токийская газета «Дело России» в начале июня написала: «Небывалые условия существования выпали на долю обывателей города Александровска. Большевики до прибытия японцев свирепствовали во всю... В данное время с прибытием японских войск порядок восстановлен. Но положение обывателей осталось трагическим. В городе нет продуктов... Выбраться из Александровска пока невозможно, ибо русских пароходов нет, японские же военные транспорты перегружены – пассажиров не принимают»¹¹. Эмигрантская газета еще не раз указывала на трудности, с которым столкнулись русские на Сахалине: «Положение Александровска очень тяжелое. Население голодает... Несмотря на обилие рыбы, улов ее ничтожный, ибо нет сетей...»¹².

⁸ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) / Сб. док. – Новосибирск, 1996. С. 51–52.

⁹ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) / Сб. док. – Новосибирск, 1996. С. 38.

¹⁰ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) / Сб. док. – Новосибирск, 1996. С. 42–43.

¹¹ Дело России. №12. – 1920. – 10 июня.

¹² Дело России. №13. – 1920. – 18 июня.

Летом 1920 г. Япония установила свою власть над всем Северным Сахалином. В декларации Японского правительства от 3 июля 1920 г. говорилось: «Впредь до организации законного правительства... те места Сахалинской области, которые рассматриваются как требующие оккупации, будут оккупированы...»¹³. В «Объявлении Командующего Японской Экспедиционной Армией в Сахалинской области С. Козима» от 20 августа 1920 г. говорилось: «Согласно Высочайшему Приказу, вступая в должность, я, Командующий Японской Экспедиционной Армией, объявляю всем жителям в местностях, занятых Армией, нижеследующее: В течение времени с 12-го марта до конца мая с. г. в г. Николаевске были бесчеловечно убиты большевиками Императорский Гарнизон, Консульские члены и мирные японцы, в числе около 700 человек. Но так как в настоящее время в России не существует Правительства, с которым Япония могла бы вступить в переговоры, то ей пришлось занять необходимые пункты в Сахалинской области до тех пор, пока в России не будет организовано законное Правительство и это событие не будет разрешено в удовлетворительном смысле, как было раньше об этом объявлено Императорским Правительством. Ныне Императорское Правительство учредило Главный Штаб в Сахалинской области, который одновременно ведает гражданским управлением, охраняет спокойствие всего народа и увеличивает его счастье, вместе с тем оно строго и беспощадно преследует тех, кто обижает мирное население, нарушает его интересы и спокойствие. Что касается общего административного порядка, то Японское Командование уважает, по возможности, прежние законы и обычаи, в особенности оно будет стараться увеличить благосостояние населения путем его просвещения, поднятия промышленности, путем сообщения, санитарии и проч., гарантирует свободу вероисповедания и справедливый суд. Ввиду вышесказанного, население занятых местностей должно укреплять дружественное отношение между обеими нациями и братскую дружбу между собой...»¹⁴.

Вскоре Япония вывела свои войска с континентальной части Российского Дальнего Востока, но не отказалась от оккупации острова Сахалина. В объявлении нового командующего Японской экспедиционной армией в Сахалинской области К. Мачида от 1 августа 1922 г. говорилось: «Армия, оккупировав в 1920 году некоторые местности в Сахалинской области, постоянно напрягала свои силы к поддержанию общественного спокойствия и к восстановлению порядка в этих местностях. В недалеком будущем, согласно декларации Японского Императорского Правительства, войска, расположенные в местностях лежащих против берега Сахалина, будут эвакуированы... Северная часть острова Сахалина, как говорится в декларации, будет находиться в

¹³ Документы внешней политики СССР. Т. III. – М., 1959. С. 72–73.

¹⁴ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 56.

состоянии оккупации до тех пор, пока не будет разрешен вопрос о николаевском избиении... В виду вышеизложенного предлагаю населению северной части острова Сахалина заниматься мирным трудом и жить спокойно на своих местах»¹⁵.

Процесс оформления оккупационного режима на Сахалине был длительным. Япония поставила под свой полный контроль все институты управления и сферы жизни русского населения. Русская эмигрантская газета в июне 1920 г. сообщила: «Японские власти, прибыв на Сахалин, предложили местным гражданам организоваться. Первым делом была выбрана городская дума в Александровске, куда вошли представители всех классов населения... Затем приступлено было к организации краевой власти. В этой области решено было объединить городскую Думу, два волостных земства и Александровское земство в областную власть... Единодушно решили отделиться от Николаевска. Владивостокское правительство прислало своих комиссаров и в Александровск. С этой целью туда прибыли – т. Кулагин в роли губернатора Сахалина, Безнятов, большевик, его помощником и полдюжина безусых юношей на вторые роли в уездах. Сахалинцы встретили их очень неприветливо. Эта компания правителей не имела на руках никаких бумаг от Медведева и К-о. Пробыв немного в Александровске они убралась восвояси...»¹⁶.

За все время японской оккупации население Северного Сахалина оставалось преимущественно русским. Ко времени возвращения японским командованием оккупированной территории под власть Советской России здесь проживали 5700 русских, 3465 японцев, 1000 китайцев и 2177 «иностранцев»¹⁷. Численность японских войск на Северном Сахалине в 1924 г. составляла более 1300 солдат¹⁸. По полученным советской стороной данным в декабре 1924 г. численность японских войск в Александровске составляла около 1200 человек, и еще более 700 солдат и офицеров было разбросано по разным населенным пунктам Северного Сахалина¹⁹.

Командующий С. Козима объявил населению о введении на оккупированных территориях: «гражданского управления для водворения спокойствия и порядка»²⁰. Сначала Военно-Административное Управление оккупированной японскими войсками Сахалинской области возглавил К. Цуно, летом 1921 г. это Управление возглавил Х. Мацуи, в 1923 г. Начальником Военно-Административного управления Сахалинской

¹⁵ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 56об.

¹⁶ Дело России. №13. – 1920. – 18 июня.

¹⁷ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 8.

¹⁸ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн.1. 1921–1925. – М., 2007. С. 312.

¹⁹ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн.1. 1921–1925. – М., 2007. С. 318.

²⁰ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 56об.

области был С. Такасу. В ведении начальника Военно-Административного Управления Сахалинской области были Александровская метеорологическая станция, тюрьма в Александровске и прочие учреждения. Например, в «Постановлении об организации Портового Управления» говорилось: «Портовое Управление ведает, под контролем Начальника Военно-административного Управления, следующими делами: 1. Надзором за порядком в порту и гавани; 2. Судоходством...; 3. Портовой полицией и санитарным надзором; 4. Карантином судов... Начальник ведает всеми делами Портового Управления, по указанию Начальника Военно-Административного Управления»²¹. Согласно постановлениям местной японской власти все руководители предприятий на Северном Сахалине «управляли делами» «по указанию Начальника Военно-Административного Управления».

Японские военные власти на оккупированной территории проводили жесткую политику, не допуская каких-либо проявлений недовольства оккупационными властями или антияпонской деятельности. Специальным постановлением от 1 октября 1921 г. за подписью начальника Военно-Административного управления Сахалинской области Х. Мацуй была учреждена «Александровская тюрьма при Японской Экспедиционной Армии в Сахалинской области». Приказом по Японской Экспедиционной Армии в Сахалинской области было принято постановление о военных преступлениях. В документе говорится: «1. Настоящее постановление применяется по отношению ко всему населению района, занятого японскими войсками, за исключением Японских Императорских подданных. 2. Виновные в совершении нижеперечисленных преступлений подвергаются военным наказаниям смотря по составу и тяжести преступления. При определении наказания принимаются во внимание Японские Императорские законы, а также законы и обычаи занятой армией территории»²². В Постановлении был приведен большой перечень преступлений: «1. Оказание сопротивления Армии, 2. Умышленное ведение японского судна или армии по неправильному пути, 3. Разведка и собирание военных секретов... 4. Дача ложных словесных и письменных сообщений»²³ и т. д.

На сегодняшний день сложно привести примеры активного сопротивления японской оккупации со стороны местного русского населения. Руководство Советского Союза также, вероятно, не имело сведений о русском сопротивлении. В марте 1923 г. Л. Д. Троцкий писал И. В. Сталину: «Очень важно выяснить, есть ли у нас что-либо на Северном Сахалине, в смысле подпольной организации? Есть ли хоть какая-либо

²¹ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 61.

²² ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 64.

²³ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 64.

возможность что-либо подготовить там на случай действительного утверждения белых?»²⁴.

Оккупация Северного Сахалина японским командованием была объявлена мерой временной. Однако проведенные вскоре мероприятия позволяют усомниться в искренности данных заявлений. Например, 1 октября 1920 г. вышло «Объявление №4» «Об изменении названий улиц г. Александровска» за подписью главы Военно-Административного Управления области К. Цуно, согласно которому 21 улица была переименована. В частности, Николаевская улица стала «Бизен-мачи», Корсаковская – «Ахасикава-мачи» и т.д.²⁵. Документы дипломатического характера указывают на то, что надежды японцев надолго обосноваться на Северном Сахалине, были не беспочвенны. Советский дипломат А. А. Иоффе по возвращению из Японии докладывал советскому руководству в апреле 1923 г.: «Большинство газет опубликовало, взяв в кавычки, следующие “Московские предложения предварительных условий”: 1) Япония должна эвакуировать северный Сахалин до начала новой конференции... 3) Россия передает северную половину Сахалина Японии...»²⁶. В «Решении предварительного заседания Комиссии ЦК РКП(б) по определению... ценности Сахалина в связи с возможной продажей ей острова» от 10 мая 1923 г., в частности, говорилось: «Продажа выгоднее всего... В процессе переговоров выгоднее не выдвигать сразу проект продажи и не раскрывать карт, а сначала предлагать аренду, чтобы затем в удобный момент перейти к переговорам о продаже»²⁷. Советские историки писали: «Японская сторона предлагала два варианта решения сахалинского вопроса: либо продажу советской части Сахалина Японии за 150 млн. иен, либо предоставление Японии долгосрочных концессий на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных богатств Северного Сахалина, а также железных дорог сроком на 55–99 лет»²⁸. Современный исследователь В. Э. Молодяков отмечает: «В исторической литературе советского периода мы не найдем упоминаний о предложении продать северный Сахалин даже как о хитром тактическом маневре... 3 мая политбюро постановило, что “не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи острова Сахалин, причем сумму в миллиард считать минимальной”²⁹. Однако продажа Сахалина отнюдь не была для Москвы самоцелью».

²⁴ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн.1. 1921–1925. – М., 2007. С. 163.

²⁵ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 108об.

²⁶ Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. / Под ред. Г. А. Бордогова. – М.-СПб., 2006. С. 157.

²⁷ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн.1. 1921–1925. – М., 2007. С. 173.

²⁸ Кутаков Л. Н. К истории дипломатических отношений между СССР и Японией // Вопросы истории. – 1985. – №12. С. 65.

²⁹ Молодяков В. Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. – М.-СПб., 2006. С. 132.

Находясь под оккупацией Японии, Северный Сахалин начал активно эксплуатироваться японскими предпринимателями. Это, в свою очередь, раздражало российскую общественность, и становилось предметом разбирательства в двухсторонних отношениях. Газета «Красноярский Рабочий» в заметке «Хозяйничают на Сахалине» сообщала: «В Токио организована кампания с капиталом в 70 миллионов иен, для эксплуатации угольных копей Сахалина. Компанией предпринимается постройка портов и железной дороги...»³⁰. Активно на Сахалине действовала корпорация «Мицуи», заключившая 30 декабря 1920 г. договор по углю с крупнейшим местным русским товариществом. Исследователи пишут: «В апреле 1920 г. Северный Сахалин был оккупирован японскими войсками, и сахалинская каменноугольная промышленность вскоре почувствовала тяжелую руку «друзей русского народа». Первым недружественным шагом японского военного командования стало отстранение от службы Сахалинского горного инженера, состоявшееся 25 августа 1920 года. Через пять дней после этого (30 августа) японским военно-административным управлением (ВАУ) был издан приказ №19 «О надзоре за горными промыслами». Согласно п. 4. данного приказа, владельцам шахт было запрещено начинать добычу угля, если к моменту оккупации рудник не работал... 14 сентября... было введено правило, которое обязывает владельцев рудников получить разрешение на вывоз угля с Сахалина... Русские предприятия одно за другим вынуждены были закрываться или продавать свое имущество японским фирмам за бесценно... Однако в скором времени власти пошли на некоторое послабление жестоких ограничений»³¹.

Наиболее активно японские власти и бизнес действовали в сфере разведки и добычи нефти. В 1922 г. уполномоченные инженеры Л. Кашин и К. Хасимото подписали «Договор между русским Торгово-Промышленным Товариществом “Иван Стахеев и Ко” и японским акционерным обществом “Хоку-син-кай”». В «Краткой записке о положении нефтяного дела на Сахалине» инженера Л. П. Кашина на имя полномочного представителя СССР в Японии говорилось: «В 1922 году по истечении срока соглашения с Кухарой, Товарищество Ив. Стахеев и Ко... заключили с Акционерным Обществом Хокусинкай договор... Целью договора служат совместная разведка нефти на Сахалине и эксплуатация в будущем тех месторождений... Здесь следует отметить, что в этом деле агрессивность японцев проявилась, пожалуй, еще больше, чем в угольном, следствием чего был полный захват в свои руки всей технической стороны дела, что крайне неблагоприятно отразилось на нем. Вследствие

³⁰ Красноярский Рабочий. – 1921. – 30 января.

³¹ *Осташев А. Е.* Угольная промышленность Северного Сахалина в годы революции, гражданской войны и японской оккупации (1917–1925 гг.) // Горнопромышленные ведомости – www.miningexpo.ru/articles/19

отсутствия русских специалистов и в высшей степени слабых технических знаний японцев, дело разведок было поставлено крайне нерационально»³².

Во время оккупации японские власти направили свои усилия на разведку нефтяных богатств острова, разработку новых месторождений. В 1922 г. Японским правительством был командирован на Сахалин инженер Кобаяси. Исследователи утверждают: «Пользуясь тем, что силы и внимание советского правительства были поглощены гражданской войной... Япония оккупировала Сахалин и приступила к эксплуатации его естественных богатств. Выдающиеся геологи Японии, в том числе Кобаяши, произвели тщательное исследование месторождения... В период внедоговорной эксплуатации японцами было добыто за 1921–1925 гг. 29 тыс. т. нефти...»³³.

Оккупация Северного Сахалина позволила японским властям и промышленникам окончательно монополизировать и рыбные промыслы. В декабре 1920 г. начальник японской дипломатической миссии во Владивостоке вручил правительству ДВР меморандум, в котором говорилось о передаче всех рыбных промыслов на Северном Сахалине в ведение японского военного командования. В ноте министра иностранных дел ДВР на имя министра иностранных дел Японии в январе 1921 г. по этому поводу был выражен протест, который, в то время не мог изменить ситуации. В одной из газетных заметок, «Захват японцами русских владений», со ссылкой на Москву, обращалось внимание: «Дальне-Восточное правительство получило сведения, что рыбные промыслы в низовьях реки Амура и Северной части Сахалина и в водах по побережью мыса Лазарева до Декастри захвачены японцами и поставлены в ведение японского командования. Дальне-Восточное правительство послало японскому правительству протест...»³⁴. 12 апреля 1921 г. по предписанию японского правительства японское генеральное консульство во Владивостоке объявило, что начальник военно-административного отдела японского командования на Сахалине опубликовал объявление от 19 февраля 1921 г. о сдаче с торгов в аренду русских рыболовных и рыбообделочных участков, причем местом торгов назначена канцелярия военно-административного управления в Александровске, в том же объявлении говорилось, что со списком сдаваемых аренду русских рыболовных участков можно было ознакомиться на японском языке в японском консульстве.

Японские оккупационные власти не только занимались эксплуатацией природных богатств Северного Сахалина, но и делали вложения в развитие транспортной инфраструктуры, в сохранение наиболее важных

³² ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 142–143.

³³ Чернобаев Н. Проблема нефти на Дальнем Востоке // Советская Азия. Кн.9–10. – М., 1931. С. 24.

³⁴ Красноярский Рабочий. – 1921. – 27 января.

для промыслов ресурсов и проч. Согласно данным Дальневосточного ревкома, на ремонт дорог на Северном Сахалине японцы потратили 120 тыс. иен, еще 120 тыс. иен было выделено на устройство двух новых мостов³⁵. В порту Александров японцы с июня 1922 по сентябрь 1924 гг. построили морскую дамбу, сделали береговую насыпь, стоимость работ составила 400 тыс. иен. Начальник Военно-Административного Управления Сахалинской области С. Такасу своим постановлением от 5 июля 1923 г. учредил Рыборазводный завод. В документах Дальревкома за 1925 г. говорится: «После оккупации, желая хотя несколько помочь естественным недостаткам в отношении развития и появления мальков и предупреждения обесценивания рыбалок... а также с целью размножения важных пород рыбы, японская армия приступила к искусственному разведению мальков... на речке Каменной... а в 1923 г. построила усовершенствованный рыборазводный завод в сел. Воскресенке... Начиная с 1920 года воспитано и выпущено около 21 000 000 мальков. На это мероприятие израсходовано около 300 000 иен»³⁶. В июле 1923 г. японские власти также учредили звероводческое хозяйство. В Постановлении «О лисьем питомнике» говорилось: «2. Лисий питомник ведает следующими делами: 1. Исследованиями и опытами по размножению и улучшению пушных зверей; 2. Продажей производителей пушных зверей и пушнины; 3. руководством и распространение полезных знаний по размножению и уходу за пушным зверем...»³⁷.

Японские оккупационные власти много внимания уделяли вопросам развития народного образования на подвластной им территории Сахалина, японская общественность старались завоевать симпатии подрастающего нового поколения русского населения острова. К началу японской оккупации в области было 13 училищ, 30 человек педагогического персонала и 544 человека учащихся. 24 января 1921 г. на Сахалине вновь было открыто Александровское реальное училище, где имелось 5 преподавателей и 17 учеников. Большинство учителей в реальное училище было направлено из числа русских советников при японском Военно-Административном Управлении. В 1923 г. японцы открыли несколько низших начальных училищ, в которых было введено бесплатное обучение. Ко времени возвращения Северного Сахалина там было работало 24 училища при 46 человек учительского персонала и 900 человек учащихся»³⁸. Военно-Административное Управление Сахалинской области заказало через Японскую Экспедиционную Армию во Владивостоке учебники для русских школ. Заказаны были учебники по 35 предметам, всего 2365 экземпляров. Получено же было из Владивостока 1853 экземпляра учебников по 22 предметам.

³⁵ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 9об.

³⁶ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 10–10об.

³⁷ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 10–10об.

³⁸ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 9.

Русским детям на Северный Сахалин в годы оккупации в качестве подарков привозили школьные принадлежности, обувь и одежду, собранную через средства массовой информации, школы и общественные организации Южного Сахалина. Например, на Южном Сахалине газеты «Минами Карафуто Ничи-Ничи Симбун» и «Минами Карафуто Миню Симбун» весной 1921 г. организовали сбор подарков для русских учащихся детей. От учеников низших начальных училищ Южного Сахалина городов Оотомари и Фунами русским школьникам привезли 2050 пакетов «с разными необходимыми для учения предметами и, кроме того, несколько пар чулок и перчаток»³⁹. От общества драматических артистов в г. Оотомари для русских школьников было собрано 125 пар теплой обуви и 200 пар теплых чулок. От Общества женщин буддийского храма «Каирай» в г. Оотомари детям Северного Сахалина привезли 50 пар теплых чулок, от «господина Мабучи в г. Иокосуга» сахалинским школьникам раздали 600 тетрадей и 600 карандашей.

Вообще, японские оккупационные власти старались найти поддержку у местной русской общественности. Например, занятый в 1920 г. «под квартиру японской армии» Народный Дом в Александровске в 1922 г. японские военные отремонтировали и вернули прежним владельцам⁴⁰. В Японии, вероятно, рассматривался вопрос об увеличении численности лояльного японской власти русского населения острова за счет антисоветски настроенных белых эмигрантов. 16 марта 1923 г. Л. Д. Троцкий писал И. В. Сталину: «В газетах промелькнуло известие о том, что японцы готовят установить в Северном Сахалине власти белых (Потапов, Меркулов)»⁴¹. В ноте Советского правительства правительству Японии от 16 марта 1923 г. говорилось об участии японцев в планах переброски на Северный Сахалин остатков белогвардейских войск с территории Кореи и Китая.

Советское руководство не признавало законности японской оккупации Северного Сахалина и всегда требовало вывода войск, соглашаясь в обмен признать особые экономические интересы Японии и предоставить концессии. С лета 1922 г. начались советско-японские переговоры о выводе японских войск с Северного Сахалина. Но на русско-японской конференции по урегулированию двухсторонних отношений в Чанчуне в сентябре в 1922 г. стороны не смогли договориться по вопросу эвакуации японских войск с Северного Сахалина. Точнее, глава советской делегации А. А. Иоффе не выполнил директивы партийного руководства в Москве и не предложил японской стороне концессии взамен вывода войск. В постановлении Политбюро ЦК РКП (б) от 9 ноября

³⁹ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 134.

⁴⁰ ГАХК. Ф.Р-58. Оп.2. Д. 1. Л. 11.

⁴¹ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн.1. 1921–1925. – М., 2007. С. 163.

1922 г. говорилось: «Поручить т. Иоффе в печати выразить протест против занятия японцами нашей части Сахалина и упомянуть, что если они эвакуируют, то будут иметь права на концессии на Северном Сахалине. Обратить внимание т. Иоффе на более строгое выполнение получаемых им директив»⁴².

В 1923 г. стороны продолжили поиски компромиссов. В письме советского дипломата А. А. Иоффе на имя японского политика С. Гото от 7 марта говорилось: «Все народы России и Рабоче-Крестьянское правительство ее... разделяли ту точку зрения, что до прекращения японской оккупации на северном Сахалине никакие вообще переговоры с Японией немыслимы. С другой стороны, Российская делегация в Чанчуне от имени своего Народа и Правительства совершенно недвусмысленно указала, что готова пойти навстречу японским экономическим интересам также и по отношению Сахалина другим путем, без насилия с Японской стороны... еще 11 ноября 1922 г. я от имени моего Правительства и по его поручению передал Японскому Правительству через японского посланника в Китае ноту протеста против продолжающейся оккупации Сахалина, в который еще раз и еще более определенно отмечалось, что Россия готова представить Японии концессии на Сахалине»⁴³. Вскоре Л. М. Карахан сообщил в Политбюро ЦК РКП(б): «Япония согласна эвакуировать Сахалин, но предлагает образовать смешанное русско-японское общество для эксплуатации естественных богатств Северного Сахалина... Коллегия НКВД считает, что мы можем согласиться...»⁴⁴.

В июне 1923 г. в Москве на высшем уровне рассматривался вопрос о разрешении проблемы оккупации путем продажи Северного Сахалина Японии. Наркоминдел Г. В. Чичерин писал И. В. Сталину: «Комиссия о Сахалине предлагает... Политбюро в дополнение к прежнему его решению о продаже Северного Сахалина за 1 млрд руб. золотом принять следующее постановление. Относящееся к тактике переговоров: “При определении стоимости Северного Сахалина может быть обоснована сумма в 1500 млн зол. рублей”»⁴⁵. В марте 1924 г. в записке Г. В. Чичерина в адрес Политбюро говорилось: «Что касается Сев. Сахалина расхождение касалось стоимости покупки Сахалина (мы – 1,5 млрд зол. рублей, Япония – 150 млн) Вместо продажи Сев. Сахалина Япония тогда

⁴² Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн. 1. 1921–1925. – М., 2007. С. 144.

⁴³ Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. / Под ред. Г. А. Бордюгова. – М.- СПб., 2006. С. 111–112.

⁴⁴ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн. 1. 1921–1925. – М., 2007. С. 164.

⁴⁵ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн. 1. 1921–1925. – М., 2007. С. 211.

же предлагала представление ей долгосрочных (56–99 лет) концессий на Сахалине... Мы в принципе не возражали...»⁴⁶.

Япония вынуждена была отказаться планов покупки Северного Сахалина у Советской России. И без того не простое экономическое положение в стране осложнилось после катастрофического землетрясения. На некоторое время, осенью 1923 г., проблемы Северного Сахалина в советско-японских отношениях вообще отошли на второй план. Но в 1924 г. Япония, не отказываясь от своих обязательств по передаче Северного Сахалина под власть СССР, упорно боролась за возможность продолжить экономическую эксплуатацию природных богатств острова после вывода войск. Газета «Рабочий путь» писала: «Карахан в беседе с корреспондентом Роста сказал: «Советско-японские переговоры вступили в окончательную и решительную стадию... теперь Япония неожиданно связала исход переговоров с вопросом о сахалинской нефти... Япония требует себе все известные нефтеносные земли... Ближайшие несколько дней окажутся решающими»⁴⁷. В 1924 г. в руководстве партии большевиков обсуждались условия будущих японских концессий. В секретном письме наркома Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) от 21 июня 1924 г. говорилось: «Комиссия из тт. Красина, Пятакова и меня приняла по поводу переговоров с Японией нижеследующие решения. О Сахалинских концессиях. Для сдачи нефти первая альтернатива: смешанное общество – треть наша. Треть японцы, треть американцы (в высшей степени сомнительно согласие на это Японии). Вторая Альтернатива: сдать японцам около 40% выясненных ресурсов нефти на 50 лет... Для концессий на уголь те же условия, но долевое отчисление – 5% валовой добычи. Можно также сдать часть леса. Сдать не больше одной трети ресурсов угля и, притом, не сдавать уголь близ узкой части пролива... Эвакуация Сахалина. В крайнем случае, считать возможным согласиться на трехмесячный срок»⁴⁸.

Для японской стороны было важно, чтобы после эвакуации войск японские предприниматели сохранили там уже имеющуюся собственность и могли продолжать начатые во время оккупации горнопромышленные работы, включая и переходный период, время между выводом войск и заключением договора концессиях. 31 августа 1924 г. Л. М. Карахан писал Г. В. Чичерину: «Сегодня я Вам посылаю копию справки о состоянии работ по нефти и углю, которую Иошидзава вручил мне 29-го августа. Во все время переговоров вопрос о том, каковы намерения японцев на Сахалине, какую работу они там производят, постоянно

⁴⁶ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн.1. 1921–1925. – М., 2007. С. 234.

⁴⁷ Рабочий путь. – 1924. – 11 октября.

⁴⁸ Халхин-Гол. Исследования, документы. Комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны / Т. С. Бушуева, А. В. Серегин. – М., 2009. С. 117–118.

возникал и имел большое значение для нашей ориентировки. Но ни в наших материалах, ни от японцев картины положения дел на Сахалине мы не могли получить. Поэтому, когда японцы во время обсуждения вопроса о концессиях в качестве аргумента привели свое опасение, что мы выгоним их с Сахалина, если теперь будет заключено только принципиальное соглашение, я ухватился за это и сказал им, что, если бы они представили подробную справку о состоянии работ и согласились бы с моей формулой, я тогда бы попросил Москву, чтобы она разрешила принять «меры сохранения» в отношении тех машин, сооружений и промыслов, которые ими начаты на Сев. Сахалине... после трех-четырёх заседаний справка была мною все-таки получена»⁴⁹. Советский полпред Л. М. Карахан писал: «Я лично стою за то, чтобы разрешить им оставить (до заключения концессионного договора – В. Д.) некоторое количество рабочих и инженеров для наблюдения и технической охраны их работ, промыслов и сооружений... Я лично считаю возможным разрешить продолжение работ... В отношении нефти производство дальнейших работ я считаю даже бесспорным, ибо работы эти не выходят за пределы разведочных работ, а если принять во внимание, что количество рабочих в летний период 400 человек, а в зимний, по заявлению Йошизава, их будет 200 с двадцатью инженерами... мы совершенно свободно можем на это огласиться... Что же касается работ на угольных коях, то здесь у меня есть некоторые сомнения, хотя, принимая во внимание, что общее количество рабочих в летнее время 350, а в зимнее 1/3 этого количества, следовательно, около 120, я думаю, можно считать, эти работы не особенно интенсивными...»⁵⁰.

Переговоры о выводе японских войск с Северного Сахалина шли трудно. В пользу советской стороны была крайне тяжелая экономическая ситуация в Японии. 26 октября 1924 г. хабаровская газета сообщила: «Некоторые газеты сообщают, что Япония в ближайшее время приступит к эвакуации своих войск из Сахалина. Независимо от Пекинских переговоров. По слухам будет оставлен только незначительный гарнизон в Александровске, могущий быть эвакуирован в любое время. Эвакуация может дать Японии этой зимой экономию в 20 миллионов иен, что чрезвычайно важно, ввиду тяжелого финансового положения страны»⁵¹. Но передача Северного Сахалина Советской России пугала японское руководство своими негативными экономическими последствиями. В середине декабря 1924 г. газета «Рабочий путь» на первой странице напечатала заметку под названием «Не провокация ли?» В

⁴⁹ Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. сост. А. И. Картунова. – М., 2008. С. 330.

⁵⁰ Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. сост. А. И. Картунова. – М., 2008. С. 331–332.

⁵¹ Рабочий путь. – 1924. – 26 октября.

ней сговорилось: «По сообщению японской газеты «Ници Ници», в Александровске на Российской части Сахалина кап. Ой, принадлеж. к составу японского экспедиционного корпуса, подвергся нападению 6-х замаскированных русских, которые стреляли в него, когда он разговаривал с видным местным углепромышленником Петровским, являющимся военным консультантом при японском штабе в Александровске. По имеющимся сведениям, капитан Ой и Петровский легко ранены. Пока неясно есть ли это обыкновенное покушение на убийство, или попытка создать нечто вроде николаевского инцидента»⁵².

Вопрос о сроках вывода японских войск с Северного Сахалина был урегулирован на завершающем этапе советско-японских переговоров. Япония настаивала на трехмесячном сроке эвакуации, обещая вывести войска к середине мая. Глава японской делегации японский посланник в Китае К. Иосидзава заявлял: «если японцы будут не в состоянии удалиться из какого-либо пункта по физическим причинам, то и советские власти со своей стороны не могут по тем же причинам достигнуть этого пункта. Оставить же какое-нибудь место без всякой власти невозможно. Японские войска на Сахалине выполняют не только полицейские обязанности, но все функции гражданских властей: по школьному делу, санитарным мероприятиям, дорожному делу»⁵³. Советское правительство согласилось с японскими условиями, правда, четко не формулируя свою позицию. Наркоминдел Г. В. Чичерин писал: «дело идет о достаточной вооруженной силе для охраны промыслов. Мы ведь обязуемся в течение шестимесячного периода до заключения контрактов охранять японские промыслы. Кстати, т. Альпов телеграфирует т. Менжинскому, что по совету местных людей не надо занимать Сахалин мелким отрядом, ибо характер населения таков, что требует твердой власти... Тов. Фрунзе говорил мне, что переброска вооруженных сил зимой стоила бы колоссальных сумм. В результате т. Фрунзе считает возможным занятие нами Северного Сахалина только в апреле, что совпадает с японским предложением. Коллегия НКВД предлагает поставить вопрос ясно и четко. Обязав японцев не ставить препятствий приходу нашей администрации на Северный Сахалин и сейчас же после этого увести свои войска или же по крайней мере разоружить их, если увод окажется физически невозможным»⁵⁴.

20 января 1925 г. советско-японские переговоры были завершены подписанием так называемой «Пекинской конвенции» – «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией».

⁵² Рабочий путь. – 1924. – 12 декабря.

⁵³ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн.1. 1921–1925. – М., 2007. С. 312.

⁵⁴ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн.1. 1921–1925. – М., 2007. С. 316.

После этого Л. М. Карахан сообщил Г. В. Чичерину: «Самая ударная и важная задача, которая стоит перед нами, – это организация комиссии для приемки Северного Сахалина. По данным японцев, комиссия должна была бы выехать в Александровск для выработки плана эвакуации и занятия нами Северного Сахалина с главным командованием японских войск в Александровске приблизительно в начале или в середине февраля»⁵⁵. Тем временем, 27 февраля 1925 г., Карахан и Ошидзава обменялись в Пекине извещениями об утверждении советско-японского договора. А 1 марта 1925 г. Карахан писал Чичерину: «Японцы сообщили мне, что они собираются начать вывод войск с восточного берега 5-го марта. Потом дополнительно они исправили это сообщение, что они собираются не начать 5-го марта, а к 5-му марта закончить вывод войск с восточного берега. Это заставляет нас еще более торопиться с переброской на восточный берег хотя бы десятка наших красноармейцев или милиционеров»⁵⁶.

В Александровск выехала Полномочная Комиссия ЦИК СССР по приему Северного Сахалина от японских оккупационных властей. 27 марта 1925 г. в иркутской газете «Власть Труда» было опубликовано сообщение: «Совещание между командующим японскими войсками на Сахалине, и прибывшей недавно в Александровск советской комиссией по вопросу о переходе управления советского Сахалина СССР протекает вполне благоприятно»⁵⁷. Однако проблем избежать не удалось, председатель Комиссии В.Я. Аболтин сообщал в Москву, что «японское командование категорически возражает против размещения нашего отряда в Александровске больше, чем на трое суток, и предлагает его разместить или в окрестностях Александровска, или в селении Рыковском»⁵⁸.

Передача Северного Сахалина под власть Советской России вызвала многочисленные имущественные споры, обычные при подобных процедурах. Например, еще 30 сентября 1922 г. «Радиовестник» передавал сообщение из Читы: «При передаче Николаевскому Городскому Комитету имущества Японское командование жестоко его обмануло, сдало вместо госпиталя в сто кроватей буквально голые стены. Все имущество госпиталя увезено Японцами в Сахалин»⁵⁹. Соответственно в 1925 г.

⁵⁵ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн. 1. 1921–1925. – М., 2007. С. 329.

⁵⁶ Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны / Т. С. Бушуева, А. В. Серегин. – М., 2009. С. 126

⁵⁷ Власть Труда. – 1925. – 27 марта.

⁵⁸ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн. 1. 1921–1925. – М., 2007. С. 344.

⁵⁹ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). – Ф.1. Оп.1. Д.83. Л. 119.

непросто решался вопрос о передачи русской власти построенных японцами во время оккупации телеграфных и телефонных линий, реконструированной радиостанции, прочих сооружений и имущества. Двухсторонние отношения осложнились спорами о построенной японцами железной дороге Александровск-Дербинское. Японская сторона настаивала на том, что все построенное японцами во время оккупации должно быть вывезено с Северного Сахалина, но советская сторона считала, что развитие этой территории во время оккупации происходило за счет налогов и сборов с русского населения, следовательно, все должно перейти под контроль местной русской власти. Споры решались не просто, имели место компромиссы, железную дорогу, например, японцы отдали, а паровозы вывезли.

В апреле 1925 г. советские газеты сообщили: «В Александровске на Сахалине 11 апреля состоялась торжественная смена японских войск, эвакуирующихся с северного Сахалина с советским отрядом, прибывшим из Владивостока. На северный Сахалин отправляются сотрудники сформированных советских учреждений. В ближайшее время советские учреждения в северном Сахалине полностью развернут свою работу»⁶⁰.

Таким образом, история русско-японских отношений на Северном Сахалине во время японской оккупации в первой половине 1920-х гг. является очень интересным, важным и насыщенным событиями примером взаимодействия двух народов и двух стран в очень непростых условиях. Несмотря на высокий уровень конфликтности, стороны при разрешении противоречий смогли избежать вооруженных столкновений, гибели людей. Конфликтная ситуация была разрешена при помощи компромиссов, посредством взаимных уступок. Найденные решения обеспечили дальнейшее мирное русско-японское взаимодействие на Сахалине и, вероятно, способствовали тому, что до самого окончания Второй Мировой войны в этом районе сохранялся хрупкий мир.

⁶⁰ Власть Труда. – 1925. – 26 апреля.